

Николай ХРУСТАЛЕВ

Лирические сцены

- Неэме, прежде чем вернуться к визиту в Москву, давайте скажем несколько слов о самом проекте.

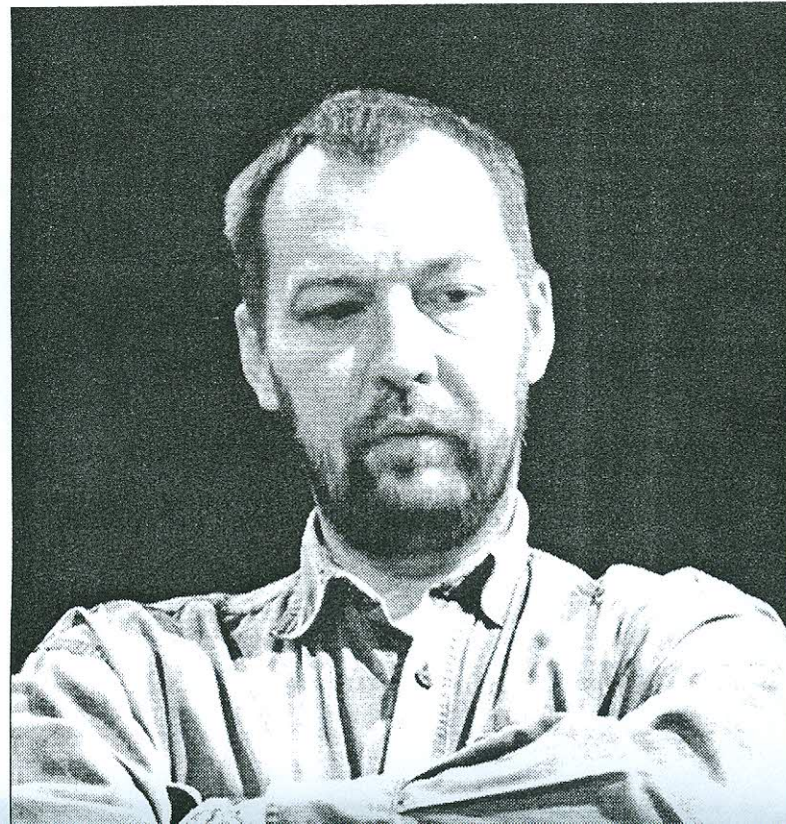
- Он уникален уже хотя бы потому, что впервые в истории отношений двух музыкальных академий была осуществлена их совместная постановка. Проект возник достаточно неожиданно. Я получил приглашение на постановку в Академии Сибелиуса и подумал об «Онегине», потому что в этом случае мы получали возможность занять интересной работой два, на мой взгляд, очень сильных состава. Было и еще одно немаловажное для меня обстоятельство. В свое время я пять лет учился в ГИТИСе, и один из наших преподавателей, Евгений Акулов - он учил нас анализировать музыкальную драматургию, - очень много времени уделял тщательному изучению партитуры как раз этой оперы, всему тому, что сопутствовало этому материалу, тому, наконец, что происходило и вокруг самой оперы Чайковского. Стоит вспомнить и о том, что 18 лет назад на сцене театра «Эстония» «Онегин» стал моей первой большой работой. Вот и выходит, что с этой оперой мои отношения самые-самые личные.

- Вы вспомнили об «Онегине», звучавшем в театре «Эстония» почти два десятилетия назад, но если продолжать вспоминать, то обязательно вспомнится и еще более ранний «Евгений Онегин», в котором главную партию пел Георг Отс.

- По сути «Онегин» одна из жемчужин мирового оперного

Самые личные отношения

В конце апреля в российской столице прошел фестиваль театральных школ «Подиум», на котором был показан и спектакль «Евгений Онегин» - совместный проект Эстонской Музыкальной академии и Музыкальной академии Сибелиуса из Финляндии. В Москве эстонский «Онегин» был встречен очень тепло, о чем свидетельствует и рецензия в газете «Время МН». А у нас в гостях сегодня постановщик спектакля - главный режиссер Национальной оперы Неэме КУНИНГАС.

понимание и отношение к нему. На первый взгляд, к фраку и цилиндру, к тому, что исполнитель на первой репетиции уже все знает, можно было отнестись действительно с юмором, но, с другой стороны, стало тревожно: даже у молодых, начинающих певцов уже присутствуют какие-то штампы, клише, они уже стараются копировать кого-то или что-то. Сейчас и вправду немало возможностей видеть, изучать, смотреть в Интернете что угодно. Но если это так, то зачем школа, учеба, когда можно делать копии, где одно будет похоже на другое. Копируют-то великих мастеров, а их как раз отличает непохожесть. Но ведь каждая эпоха создавала свои образцы, своих героев. Вот вы вспомнили о Георге Отсе. Думаю, что в наши дни этот замечательный певец понимал бы и эту оперу, и этого героя в совершенно ином ключе. Так что сегодня мы бы тоже услышали в его исполнении совершенно замечательного, но все же другого Онегина.

- Как-то видел где-то на за-

атре ГИТИСа, это в Гнездиновском переулке, в шаге от Пушкинской площади. Мне этот театр дорог особенно. Важно мне было и приехать в Москву именно с «Онегиным», в этом было нечто символическое, потому что на этой сцене когда-то мы с однокурсниками вкалывали, как шахтеры, целых пять лет без отдыха. Там ставились наши отрывки, дипломы. А теперь на спектакль пришли давние педагоги, пришел мой профессор Георгий Павлович Ансимов, чьим мнением я по-прежнему очень дорожу. Мы услышали хорошие, добрые слова о том, что в спектакле присутствует дух ГИТИСа. Рядом с нами выступали студенческие труппы из Австрии, США, Англии, интересная такая компания. Только что трижды представили «Онегина» на сцене нашей Национальной оперы, летом собираемся на Сааремаа, в Курессааре.

Прощаться рано

- У спектакля, о котором мы говорим, судя по всему, уже есть собственная биография, он звучал уже в разных залах и разных странах. Насколько совпадало или не совпадало зрительское восприятие?

- Это, мне кажется, отдельная тема. Мне показалось, что в его восприятии отразилась разница менталитетов, и зрительских, и артистических. Надо иметь в виду, что

тония» почти два десятка лет назад, но если продолжать вспоминать, то обязательно вспомнится и еще более ранний «Евгений Онегин», в котором главную партию пел Георг Отс.

- По сути «Онегин» - одна из жемчужин мирового оперного искусства, и каждый театр, который имеет его в своем репертуаре, может этим гордиться. При этом стоит помнить, что, сочиняя эту оперу, Петр Ильич выполнял заказ Московской консерватории, то, что писал, оперой не называл, именовал «лирическими сценами», и первоначально они предназначались для исполнения студентами консерватории, которые, если подумать, были ровесниками пушкинских героев. Это уже потом гениальная, честная музыка и замечательный сюжет сделали творение Чайковского таким, каким мы его сейчас воспринимаем. Сегодня «Онегин» не проходит мимо ни одного крупного театра, а уже более чем столетняя традиция постановки оперы приучила к мысли, что это писалось когда-то для студентов-консерваторцев и должно делаться скромно, малыми средствами. Как раз наш проект напоминает об этом, возвращает к тому, что задумывал Чайковский.

- Вы обрели только что - честная музыка. Что имели в виду?

- Знаете, мне нравится всякая хорошая музыка, и не имеет значения, симфоническая она, камерная или рок. В опере у великого композитора, о ком бы ни шла речь - Верди, Пуччини или Чайковский, - каждая нота выношена, прочувствована, потому честная.

Цилиндр и тросточка

- С «Онегиным» вы встретились не впервые. У вас уже был опыт работы над этой оперой, свое к ней отношение. Насколько давние воспоминания помогали вам или мешали в последнем эстонско-финском

студенческом проекте? Вам хотелось продолжить или начать с чистого листа?

- Ни о чем подобном я не думал, поскольку речь шла и о педагогической задаче, о занятиях с молодыми, еще не слишком опытными певцами, которым, возможно, впервые предстояло выйти на оперную сцену. Так что здесь было несколько условий. Поэтому чисто творчески мне была интересна и эта часть процесса. Я открывал для себя новые индивидуальности, личности, старался им помочь открыть через призму прекрасного материала какие-то секреты актерской профессии, ее особенности. Так что для меня все это не было рутинной. А то, что в течение многих лет «Онегин» продолжал оставаться у меня в подсознании, продолжал «работать» в мозгу, - об этом я даже не подозревал. Потому, когда пришел на репетицию и услышал первые музыкальные такты, для меня стало большим сюрпризом, что, оказывается, до сих пор наизусть помню всю оперу, от начала и до конца. А ведь 18 лет ею не занимался. Надо иметь в виду, что и сам я за прошедшие годы стал поопытнее,

более зрелым, дистанция времени и мне лично открыла в «Онегине» такие неожиданные нюансы и возможности, о которых по молодости я даже не думал. И вот теперь это показавшееся новым можно было попытаться реализовать.

- Насколько ваше понимание, видение, отношение к великой опере совпало с тем, как ее понимали студенты, которым ее предстояло исполнить?

- Это хороший вопрос, потому что в этом смысле нас в работе сопровождали даже достаточно курьезные ситуации. Например, один из наших Онегиных, эстонец, который сейчас учится в Финляндии, пришел на первую репетицию в одолженном где-то фраке, с цилиндром на голове и тросточкой в руках. То есть ему казалось, что он знает, каким должен быть Онегин, как его поют, как его надо петь. И тогда я у него спросил: если ты все уже знаешь, то я здесь при чем? Мне казалось, что нам придется вместе что-то искать, находить, соглашаться друг с другом или, что бывает, в чем-то не соглашаться. А открывать Онегина предстояло через вокал, через собственное

воображение. О Георге Отсе, думаю, что в наши дни этот замечательный певец понимал бы и эту оперу, и этого героя в совершенно ином ключе. Так что сегодня мы бы тоже услышали в его исполнении совершенно замечательного, но все же другого Онегина.

- Как-то видел где-то на зарубежном телеканале довольно неожиданного «Онегина», спетого международным составом артистов. Как теперь принято говорить, спектакль был продвинутым, реалии пушкинских времен перенесли в нынешний день.

- В таких случаях я, как ни странно, сначала думаю, что в подобных начинаниях не стоит забывать о совести. С другой стороны, я настолько люблю и уважаю «Онегина», что не вижу смысла в том, чтобы придумывать какие-то концептуальные трюки. В конечном счете этот сюжет может быть поставлен и понят где угодно, даже в Ираке, если захотят. Но в нашем случае мы говорим об учебной работе, и мне кажется, что ребята имели право почувствовать эпоху, окунуться в нее. А всяческие режиссерские изыски пусть занимают экспериментальные театры. Почему бы и так не делать, если уже имеются классическая основа и богатые традиции?

Учебный театр ГИТИСа

- Как проходила работа над проектом?

- Начали мы в августе прошлого года. Сначала в Таллинне, потом долгое время репетировали в Хельсинки, а выпускной период был в Йохенсу, где проходили генеральные прогоны, а затем было дано шесть спектаклей, прошедших при полных залах. Позже мы показали еще четыре спектакля в Национальной опере в Хельсинки, тоже прошедшие очень успешно, о чем свидетельствует и хорошая критика. Но на этом проект завершен не был, вот только что вернулись из Москвы, с «Подiums». Выступали в Учебном те-

атре собственной биография, он звучал уже в разных залах и разных странах. Насколько совпадало или не совпадало зрительское восприятие?

- Это, мне кажется, отдельная тема. Мне показалось, что в его восприятии отразилась разница менталитетов, и зрительских, и критики. Надо иметь в виду, что наш спектакль идет без хора, который является как бы драматургической кулиссой, перед которой или за которой развиваются события. «Девушки-красавицы» или сцены балов - это замечательные музыкальные номера. Кстати, хор «Девушки-красавицы» Чайковский сочинил уже после премьеры, потому что Татьяна без него не успевала переодеваться между сценой с письмом и встречей с Онегиным... Отсутствие хоров в нашем спектакле в Финляндии было встречено неоднозначно - как хорошо, сетовали там, исполнять «Онегина» без хора? И главная дискуссия шла как раз вокруг этого - можно или нельзя без хора? Певцов, художника, режиссера хвалили, а вот отсутствие хора огорчило. В Москве же получилось совершенно наоборот. Там, мне кажется, почувствовали дух спектакля, оформленного молодой художницей Марьей Мартин минимальными средствами, при том, что на сцене четыре времени года и семь мест действия. Но, по мнению московских критиков, в спектакле присутствовали новизна и неожиданность подхода. К тому же он продемонстрировал традиционную для российского искусства школу переживания как способ существования на сцене.

- «Онегин» - спектакль студенческий. Услышим ли мы русскую оперу на сцене Национальной оперы, в которой вы главный режиссер?

- Думаю, во-первых, что и с этим «Евгением Онегиным» прощаться еще рано. А в будущем году на нашей сцене, надеюсь, будет поставлена и «Пиковая дама»...

Noorte lauljate unistuslik Jevgeni Onegin

Lihtsustamise oskus on üks õnnestumise võtmeid

OOPER

- Jevgeni Onegin, kolmevaatuseline lüüriline ooper. Helilooja Pjotr Tšaikovski. Dirigent Harri Karri. Lavastus Neeme Kuningas. Lavakujundus Marge Martin.
- Joensuu Linnaorkester, Sibeliuse Akadeemia lauluosakond
- Soome Rahvusooperis 24.1.2003

SIBELIUSE AKADEEMIA ja Joensuu Linnaorkestri koostöö on seni sujunud hästi. Meeles on viimane lavastus, Mozarti Don Giovanni.

Nüüd on koostööosaliste ringi laiendatud. Osalevad ka Eesti Muusikaakadeemia ja Rahvusooper Estonia ning osaliste ringi laiendamist on ka praktiliselt näha. Igas rollis on kaks osatäitjat ja vürst Gremini osas koguni neli. Esimene esietendus toimus novembris Joensuus, teine jaanuaris Rahvusooperis ja kolmas tuleb maikuu algul Estonias. Niisiis - märkimisväärne jõuproov.

Etendus hurmas täielikult. Almi-saalis ei kogetud suurt ooperidraamat, kuid seda enam õrna muusikalist poeesiat. Õnnestumise võtmed peituvad lihtsustamise oskuses ja tasakaalukas tervikus.

Lavastaja **Neeme Kuningas** ei olegi eesmärgiks seadnud suuri zheste. Vastupidi – noored solistid ei esita oma rolle maneerlikult ja pealiskaudselt, põhiliseks muljeks jääb loomulikkus ja inimsuhete lihtsus.

Etenduse habrast meeolelu rõhutab suurepäraselt **Marge Martini** lavakujundus. Läbipaistvad pleksiklaasid toimivad metsana, vaheseintena aga ka viidete ja mõtete vahendajatena, kui nende taga liigub tunnete objekt. Mõned neist toimivad peeglina. Taustal olevad suured rohelised kangad rõhutavad ruumi avarust. Paljastatud ja õhulist.

ETENDUSE VÕLUVAIMAKS OSAKS olid muidugi lauljad, noored solistid, kelle siiras tegutsemine loob lavale erilise peenelt trimmitud meeolelu. Hetketi paistab välja kogenematus, rutiini puudumine, kuid meeolelu, selle tundelisus ja õrnus säilivad.

Jutta Holmberg oli rõhutatult unistav, kohati tõsinegi Tatjana. Kirjastseen osutas, et sopranil on jõudu ja Tšaikovski esitamiseks sobiv lai tämber. Olga osas askeldas laval särtsakas **Annaliisa Pillak**, kelle elavus ületas mitmekordselt teiste osatäitjate oma.

Pekka Kuivalainen üllatas mitmepalgelise Lenskina, kelles oli rohkem hellust kui kirge. Tenor kõlas paljulubavalt. Kõige raskem osa oli täita **Rene Soomil**, kelle Oneginis puudus maailmamehe karisma. Siiski oli kahevõitlus ooperi kõige haaravam stseen. Kuivalainen ja Soom kandsid etenduse kõige sügavamaid tundeid.

Tiina Penttise oli tehtud vanaproua Larina ja ta sooritas oma rolli pieteeditundega. **Merle Silmato** Filipjevna vallutas südameid eheda “naisena rahva hulgest”.

Ehk kõige parema aaria esitas **Kristjan Mõisnik**, kelle bass kõmas Gremini rollis. **Andres Köster** oli sobivalt vigurdav härra Triquet ja laululine sooritus oli suurepärane. Need on kaks kindlat tulevikunime.

Joensuu Linnaorkestrit juhatanud Harri Karri ei süstinud mängijatesse seda hoogu ja särtsu, mis eelmisel korral vallutas täiesti. Mäng oli lõtv. Valguskiireks selles puupillide soolod ja vaskpillide sära.

Ilmo Pokkinen

Tõlge Ülla Veerg